

Макс Неттлау

Федерализм и централизм

Из неразрывной связи каждой органической части со всей совокупностью Вселенной, — связи, проявляющей себя в направленных к самоутверждению действиях, — возникают все колебания между автономией и солидарностью, индивидуализмом и социализмом, изоляцией и организацией, национализмом и братством людей, а также, между тем, что именуется федерализмом и централизмом. В той степени, в которой органические части сосредоточены на самих себе и являются самостоятельным микрокосмосом, они отказываются от слияния в коллективы, лишённые даже кажущейся независимости. Однако, предоставленные самим себе, оставаясь в полнейшей изоляции, они хиреют и засыхают, подобно капле воды, целиком испарившейся. Между тем, соединение многих таких капель имеет некоторые шансы на длительное существование, хотя, разумеется, существовать бесконечно они не могут, а могут только обновляться — путем превращения в пар, в индивидуальные капли, которые в свою очередь снова превращаются в потоки и моря — и так происходит вечный круговорот.

Мы можем, таким образом, сделать заключение, что такова природа и что ничто не существует и не может существовать, оставаясь устойчивым и, вместе с тем, сохраняя свою односторонность. Не может существовать капля воды, как не может и море вечно хранить бесконечное число капель, если оно не жертвует соответствующим количеством их, чтобы дать им возможность вести опять независимую жизнь, а затем вновь воссоединиться с коллективом. Одним словом, изоляция невозможна, и то, что кажется изоляцией, оказывается или временно самодовлеющей единицей, обладающей ограниченной продолжительностью жизни, или единицей, обречённой на разорение от истощения. Между двумя полюсами притяжения и отталкивания каждая частица материи существует вечно, обычно образуя на первых порах маленький мир вокруг себя, родственные себе частицы материи, и затем это маленькое целое отталкивается от одних внешних влияний, притягивается другими и соединяется с более крупными единицами или же вовлекается — вольно или невольно — в более значительные коллективы. В этом последнем случае они могут переживать процессы брожения, восставать и освобождаться рано или поздно от несвободы.

Не могла быть иною и судьба самого человечества, которое в ранние времена представляло собою беспомощное стадо, жившее группами, сосредоточившись вокруг женщин (матриархат), затем меньшие группы сосредоточивались вокруг мужчин (патриархат, семья) в качестве первоначальных единиц. Эти группы соединялись с другими группами данной местности, с племенем, ибо лишь такие, более крупные единицы могли обеспечить себе относительную безопасность, выгоды сотрудничества (совместная обработка земли и пр.), культурный прогресс (обмен услугами по мере развития разделения труда и т.д.). От этих зачатков культуры и до настоящего дня индивид и общество остаются неотделимыми, но их взаимные отношения сильно изменяются,

и в настоящее время мы все сильнее чувствуем, в каком именно направлении эти отношения должны улучшаться и какие препятствия стоят на этом пути.

Федерализм и централизация являются выражениями желаний сделать сотрудничество людей возможно более продуктивным в каждом отдельном случае. Ни федерализм, ни централизация не являются решениями сами по себе и могут существовать отдельно друг от друга. Полная федерация была бы агрегатом автономий, совершенно неравных федераций, не обещающих плодотворного сотрудничества в коллективе. Полная централизация была бы системой всеобщего принуждения для разъединенной массы, лишенной индивидуальной энергии. Федерация, основанная на солидарности, предполагает волю и желания наиболее сильного, богатого и прогрессивного, направленное к помощи слабейшему, беднейшему и отсталому. Она таким образом является в моральном смысле образцом централизации, признанием всеобщей воли и всеобщего благополучия высшими благами, чем индивидуальная воля и индивидуальное благополучие. Централизация, равномерно применяемая, становится нелепой и бесплодной. Если она желает жить, то должна признать разнообразие местных потребностей; другими словами, она должна морально вдохновляться федерализмом. Мы не можем уйти от этих упрямых фактов, как не можем уйти и от индивидуализирования и коллективизации тенденций решительно во всем. Выход отсюда состоит в надлежащей *пропорции* *обоих* факторов в данном организме.

Пропорция является великой естественной необходимостью, регулирующей жизнеспособность и выживание организма. Человек уже научился познавать ее в своих технических и эстетических произведениях — теперь очередной задачей нашей является умение применять ее в области общественной жизни. В этом деле анархисты являются наиболее приспособленными для того, чтобы указывать путь. Почти из каждой аморфной клеточки и агрегатов таких клеточек, путем чисто материального размножения, выросли в гигантские пресмыкающиеся раннего геологического периода и становились все крупнее и крупнее. Таким же путем выросли травы и растения, и гигантские деревья, но все это оказалось непропорциональным по отношению к ограниченными естественным ресурсам земного шара и могло только идти к упадку и исчезновению. В то же время дифференцированные формы животных и растений распространялись, пресмыкающиеся превращались в птиц, цветы развивались на ранее не знавшей цветов земле, а неприспособленные существа ранних периодов голодали и погибали. Одному из существ, развившихся позднее других, именно человеку, удалось там и здесь превратить часть земного шара в сад, в истинный рай, в то время как во многих других частях земли, вплоть до сего дня, человек превращал землю в ад и подражал созданию своего собственного воображения — Богу, метал адский огонь с небес на Шанхай и другие места земли, подобно тому, как Бог поступил с Содомом и Гоморрой: это — еще один пример неуравновешенности, возникающей из отсутствия

моральной пропорции.

Технически, употребление инструментов и оружия обучало людей пропорции. Обезьяна, размахивающая ветками дерева, как оружием, или для того, чтобы сбить орехи с веток, на опыте научилась, что это орудие или инструмент должен иметь соответствующие размер и твердость, чтобы отвечать своему назначению. Идя этим путем опыта, первобытный человек, научившись применять огонь и т.д., теми же приемами стал строить для себя дом, готовить пищу и постепенно развился в более высокий тип человека, создал эстетические идеалы, правила социального поведения и первые представления о нравственности. Во всем этом ему приходилось выбирать и решать, где именно должны быть границы механического увеличения, и останавливаться там, где расширение и размножение приводило только к неприспособленности и бесполезности. Такие границы оказывались и в деле насильственного присоединения территорий, соединения универсальных монархий, спустя некоторое время распадавшихся по мере возникновения монопольных богатых торговых центров; каждый из этих центров, в свою очередь, имел свой день величия, после которого наступало падение и разрушение. Такие границы встречала тирания, для которой рано или поздно наступала гибель, такие же границы оказывались и для религий, — а победительницей всех их была неодолимая сила прогресса, делающая застойные формы жизни непрактичными и приносящая разрушение повсюду, где люди пытаются поддерживать в них жизнь искусственным путем.

Машины сделали устаревшими все формы самодовлеющей жизни и долгое время были силой централизующей. Но на протяжении жизни последних двух поколений машины настолько распространились по всему земному шару, что старые промышленные центры увидели рождение новых центров, и борьба на жизнь и смерть между первыми и вторыми явилась одним из важнейших последствий нынешнего промышленного кризиса. Был предел готовности людей покупать продукты машинного производства почти исключительно в крупных центрах, был предел также готовности рабочих быть целиком поглощенными жизнью промышленных городов и отказаться от зеленых полей и свежего деревенского воздуха. Короче говоря, в то время, как старые центры все еще очень могущественны, их дни все же сочтены, ибо они не могут помешать стремлению к более гармоничной, независимой и целостной, т.е., более плановой жизни. Фурье, Роберт Оуэн и Кропоткин видели это тяготение к более гармоничной жизни. Замерев на время под всепобеждающим напором машин, это стремление пробуждается и проявляет себя в воле к децентрализации, автономии, обновлению домашней жизни, к природе и красоте, к личной свободе и к интеллектуальному самоопределению.

Машины и та сила, которая ими движет, сами указывают путь. Еще сорок лет тому назад Кропоткин понял, что, подобно тому, как паровой двигатель вызвал такое огромное усиление централизации, электричество, наоборот,

положит начало веку децентрализации. Ручная работа, первобытные инструменты и некоторые местные машины прежних веков, затем концентрированная промышленность с ее мощными паровыми машинами, прикрепленными к данному месту, и центры добывания электрической энергии, распределяющие ее на огромных пространствах, покрытых городами и деревнями и содействующие промышленной и земледельческой работе, — таковы три монументальные стадии в истории человечества. Период усиленной централизации длился недолго и теперь в муках умирает, причиняя великие страдания, но, тем не менее, теряя почву под собой. Очень возможно, что наступающий период принесет с собой больше возможностей в деле добычи местной движущей силы и таким путем уменьшит необходимость в передаче ее из отдельных центров. Когда это случится, то последние препятствия к гармонической местной жизни, солидарному анархизму, должны будут пасть среди мыслящих людей.

Политически государство было создано для обслуживания всех интересов, связанных с соответствующим общественным строем, и для их защиты. Государство вплоть до XVIII века, а в некоторых странах даже того позднее, обычно воздерживалось от вмешательства в местную жизнь населения: не существовало признанного федерализма, но под именем старых провинций, свободных городов, владений местных династий и т.д. существовало большое разнообразие обычаев, правил, даже законов, некоторых местных прав и привилегий. В сущности, на практике, федерализм существовал, хотя между ним и монархом возникали постоянные разногласия, а иногда возникала и открытая борьба. Средневековому монарху приходилось считаться с очень многими местными факторами повсюду — с баронами, епископами, городскими советами и т.д., прежде чем ему удавалось получить подати и оброки деньгами, военной помощью и проч. С возникновением парламентов центральная власть оказалась под их контролем и ее авторитет часто оспаривался. Стюарты в Англии погибли при попытке подавить волю местного населения. Людовик XIV в ту же эпоху сумел, однако, сокрушить местную власть, но, 100 лет спустя, Людовик XVI взошел на эшафот в 1793 году, подобно тому, как Карл I был казнен в 1649 году, а последний из Стюартов был изгнан в 1688 году, как последний из французских Бурбонов был лишен трона в 1830 году и, наконец, испанский Бурбон был низложен в 1931 году. Парламентаризм своей основной сущностью означал защиту местной независимости против королевской централизации. Соединенные Штаты возникли и провозгласили Декларацию Независимости в 1776 году во имя как раз этой цели, подобно тому, как Швейцария освободилась из-под власти средневековой Германской империи, а Нидерланды из-под власти королей Испании именно в борьбе за местные права против центральной власти. Такие победы над центральной властью не привели, впрочем, к подлинному федерализму. Конституции Швейцарии, Нидерландов, Англии 1688 г. и Соединенных Штатов очень далеки от истинного федерализма. Объясне-

ние этого заключается в том, что победившие местные силы преклонялись перед единством государства, полезным для тех, кто хотел, чтобы местная промышленность снабжала своими продуктами возможно более обширные внутренние рынки и продавала бы их за границу под защитой флага могущественного государства. Таким путем сами парламенты становились нейтралитскими, прямыми представителями государства, сокращавшими местную власть повсюду, где только можно было, и поддерживавшими местные привилегии и права только в форме единоличных злоупотреблений и подкупности. Стремление же рабочих к парламентскому представительству действовало в том же направлении — к централизму: для них парламент никогда не казался слишком могущественным и централизованным, ибо социал-демократические вожди убедили их в том, что завоевание парламента означало завоевание государства и победу над капитализмом. Федерализм, таким образом, был ослаблен, урезан, почти изгнан отовсюду со времени Французской Революции, на протяжении всего XIX века и вплоть до сегодня: с точки зрения широкого развития промышленной жизни и борьбы за расширение торговли, а равно и в понимании государственных социалистов и, наконец, с точки зрения современной России, необходимо всемогущее государство, считающее федерализм государственной изменой и посягательством на его универсальное всемогущество. Это мощное орудие власти — государство — создано было таким образом и отточено в угоду промышленным и торговым интересам. Оно питается и поддерживается авторитарными социалистами, надеющимися овладеть им единым взмахом, как это было в России осенью 1917 года, и затем использовать его.

Федерализм, таким образом, должен был бороться за существование на протяжении всего века капитализма и государственного социализма, когда даже примитивный либерализм встречал на своем пути ожесточенных врагов. На наших глазах эта эпоха завершилась 10 лет тому назад победой итальянского фашизма, не говоря уже о других диктаторских режимах во многих европейских и американских странах. Много было причин, объясняющих это временное поражение бесспорно привлекательной прогрессивной концепции человеческого общежития; главные причины коренятся, однако, в характере самих федералистов.

Только свободные общества могут искренно федерироваться между собою, т.е. поддерживать социальную и политическую жизнь, основанную на местных особенностях и склонностях, только такие общества могут сами давать пример солидарности и ждать того же от других свободных обществ, организованных в том же духе, хотя и по иным планам. Между такими обществами должно быть некоторое сходство в смысле уровня жизненных условий, настроений и характера. Такое сходство существовало в средние века среди альпийских общин в Швейцарии, где пастушескую жизнь вели почти все. Такое же сходство наблюдалось среди множества средневековых городов, причем это сходство

не сопровождалось борьбой торговых интересов. Наконец, подобное же сходство существовало между крестьянскими коммунами в некоторых горных областях ранней Испании. В других местах федерации охватывали только провинции или малые государства с ограниченными пределами солидарности. Здесь оппозиция центральному правительству не всегда носила прогрессивный характер, как, например, в Вандее, в Баскских провинциях, во многих германских княжествах, в наиболее отсталых частях этой страны, где преобладал национальный фанатизм. В 1868 году, когда парламент издал закон об обязательном прохождении восьмилетней элементарной школы для всего населения в упомянутых отсталых областях страны, то попы, стремясь к преобладанию церковной школы над светской, стояли за шестилетнюю школу, и это было очень федералистично, но вместе с тем и очень реакционно. Лет 40 тому назад, когда бой быков был введен в южной Франции и вскоре запрещен был там, согласно общегосударственным законам, то это почиталось оскорблением федералистических чувств Юга, и там возникли бунты. Элизе Реклю писал по этому поводу:

«... Не позор ли это, что жестокая страсть к зрелищу боя быков овладела столькими городами юга и что их старый дух независимости восстал против центрального правительства, вина которого состояла в том, что оно хотело применить для защиты животных законы, изданные в XIX веке, — законы, которые, по правде сказать, никак не могут быть названы драконовскими.»

Бакунин не поколебался написать в своем оправдании федерализма («Медведи Берна и медведи Санкт-Петербурга,» Февраль, Март 1870 года).

«Швейцария стоит сейчас перед дилеммой: она не может желать отодвигаться назад, к своему прежнему режиму политической автономии кантонов, который сделал из них конфедерацию политически самостоятельных и друг от друга независимых государств. Восстановление такой конституции (отмененной в 1848 году) неотвратимо повлекло бы за собой обеднение Швейцарии, положило бы конец всем крупным экономическим достижениям, сделанным ею, ибо новая централистическая конституция опрокинула все преграды, отделявшие и изолировавшие кантоны. Экономическая централизация является одним из существенных условий развития благосостояния, а такая централизация была бы невозможной, если бы политическая автономия кантонов не была уничтожена.

«С другой стороны, опыт двадцати двух лет (1848-1870) доказал нам, что политическая централизация также гибельна для Швейцарии. Она убивает ее свободу, угрожает ее независимости и делает из нее раболепного жандарма всех могущественных деспотов в Европе. Уменьшая ее моральную силу, она подрывает также и ее материальное существование».

Бакунин продолжает: «Что же в таком случае сделать? Идти назад, вернуться к политической автономии кантонов — вещь невозможная. Сохранить же политическую централизацию — нежелательно.

«Дилемма, таким образом поставленная, допускает одно единственное решение: уничтожение всех политических государств, кантональных и федеральных штатов, и преобразование политической федерации в экономическую федерацию, в национальную и интернациональную федерацию.

«Такова цель, к которой в настоящее время явно движется Европа».

Бакунин, как показывает его строгое осуждение Южно Американской Конфедерации, не признавал обращения к федерализму во имя эгоистического или ретроградного интереса. Такие интересы являются вызовом человечеству. Именно из таких интересов исходят все государства, большие и малые, считая себя вправе делать это внутри их государственных границ и, кроме того, в качестве независимых организмов, навязывать свои требования другим, если они это в силах сделать путем войны и завоеваний. Никакие безнравственные привилегии не могут исторгаться во имя федерализма, иначе это прекрасное слово только покрывало бы любой недостойный акт. Прогрессивный дух человечества может быть очень терпимым в отношении ритма прогресса, который не везде бывает одинаково быстрым, но он не может допустить того, чтобы прогрессу приносился ущерб во имя автономии, иначе ему пришлось бы подчиниться требованию любого тирана, как только он выразил бы пожелание, чтобы никто не покушался на его самодержавие.

Этот вопрос совершенно не является вопросом для искренних прогрессистов, хотя он легко может быть извращен и на самом деле извращается софистикой фабрикантов общественного мнения в интересах тех, кто стремится расширить свою власть и завоевания. Исходя из таких именно побуждений, создавались все колониальные империи — Египет, Южная Америка, Марокко, — все они были захвачены насильно, Австро-Венгрия была разрезана на куски, Россия была подвергнута блокаде и вооруженной интервенции, Япония сейчас цивилизует Китай с помощью бомб, и фактически буржуазия повсюду стремится «цивиловать» рабочих, держать их в подчинении, брать на себя заботу об их деньгах, в то время как церкви цивилизуют народ, а правительства и печать также занимаются цивилизаторством и т.д.

Это всеобщее вмешательство одних людей в дела других, в интересах многих темных, нечестных и постыдных целей, подвергается общему нашему осуждению, но чего мы не можем сделать, это дать федеральным учреждениям право не допускать вмешательства в свои дела. Тот, кто претендует на подлинную свободу от вмешательства, должен знать, как действовать, чтобы не повредить подлинным общим интересам человечества. Но все эти вопросы все еще стоят вне круга действий истинных гуманистов, ибо всякая политика является областью заинтересованных сфер, как промышленных, так и финансовых, областью страстей, возбуждаемых правительством и печатью, областью бездушных дипломатов и плохо осведомленного, зараженного предрассудками общественного мнения.

При таких обстоятельствах искренняя федерация между государствами ни-

когда не становилась актуальным вопросом, и там, где существует монополярная федерация внутри государства, она никогда еще не была в состоянии предупредить гражданскую войну, как, например, в Швейцарии 1847 года, в Соединенных Штатах 1861-1865 годов, во всех испанско-американских государствах, от самых крупных до самых малых. Бакунин писал в 1867 году, обращаясь к комитету наиболее передовой организации того времени, к «Лиге Мира и Свободы»:

«... Соединенные Штаты Европы никогда не смогут быть образованы из таких государств, какими европейские страны являются сейчас, принимая во внимание чудовищное неравенство между их относительными силами. Пример покойной германской конфедерации (1815-1866) окончательно доказал, что она бессильна гарантировать мир и свободу народа».

Эти слова еще более приложимы к современному положению, когда европейские государства враждебно противостоят друг другу, зараженные военными страстями, держа в руках договоры, освящающие такое положение вещей, которое осуждается широчайшими массами народа, причем около сорока национальных меньшинств в Европе горько жалуются. В сущности, построить номинальную «Пан-Европу» при таких условиях значило бы издеваться над людьми перед лицом страшной нужды. Женевская Лига Наций, Конференция по разоружению, все конференции об экономических взаимоотношениях, мировая конференция в Генуе и все прочие конференции показывают, что государства и не думают о соблюдении взаимных интересов даже тогда, когда колеблются самые основы экономической жизни, и над источниками, из которых оплачивается стоимость государственного аппарата, армии и т.д., нависает угроза.

Таким образом, внутренний федерализм сохраняется. Но какие же возможности открыл он в Европе? В возрожденной Италии слабое федералистическое течение, защищаемое очень способными писателями и мыслителями — Карло Каттанео, Чезаре Канти, Джузеппе Черрари, героическим Карло Писаконе, Саверио Фриchia и др. (некоторые из них были друзьями Прудона и Бакунина) в то время как другие выступают в роли союзников духовенства, защитников федерации старых итальянских государств, возглавляемых папой. Это течение родилось еще до союза объединенной республики Бога и Мадзини и много раньше практического решения о распространении пьемонтской монархии на всю Италию и о создании, таким образом, единой Итальянской монархии, — решения, которые признал, уходя в отставку, сам Гарибальди.

Германская Конфедерация (1815-1866) была центром интриг тридцати или более государственных образований, кристаллизовавшихся вокруг Пруссии и Австрии и разорванных на части войною 1866 года. В сущности, после перемен 1866 года ограниченная Конфедерация продолжала существовать вплоть до 1871 года при империи, а автономия и номинальная федерация, административная автономия и экономическое единство, сохранились до 1918

года. После же добровольного объединения многих государственных образований Конфедерация продолжает существовать до сего дня и не желает исчезать. Здесь, таким образом, мы имеем зародыши федерализма в форме множества местных образований, комбинированную экономическую жизнь и два крупных государственных образования — Пруссию и Баварию, а также Саксонию — спаянных вместе. Эти государства заключают между собою бесконечные внутренние договоры и совместно несут все тяготы и ответственность. Очень немногие желают заменить этот порядок централизацией, очень немногие также стремятся к более радикальному устройству государства: все как будто чувствуют, что внутри нынешней системы частичные и поверхностные перемены не могут быть ничем иным, как только починкой старья.

Великобритания является другим примером номинальной федерации фактически автономных политических и экономических единиц таких размеров, как Канада, Австралия и Южная Африка. Но патриотическая, военная и т.д. связь этих государств и солидарность их интересов не требуют никакого прямого сотрудничества в экономических вопросах, или требуют ее в минимальных размерах. Подготавливаемая ныне новая форма государственности в Индии с самого начала будет включать в себе три различных элемента: индусов, мусульман и местных принцев, при отсутствии всякой солидарности между этими элементами.

Там, где разные национальности жили в одном и том же государстве, они поделились и образовали из одного государства несколько — мирным путем, как Швеция и Норвегия (1905), или путем войны и договора, как Австро-Венгрия, или в результате войны, как Россия, или же они живут вместе до сих пор, принужденные к тому насильем, как Бельгия (валлоны и фламандцы), Югославия, македонцы, хорваты, Чехословакия, словаки.

Таким образом, во всей Европе только Испания является страной, где федерализм в XIX веке исповедуется большой политически-передовой федералистической партией, возглавляемой людьми, бесспорно выдающимися, особенно в лице Франциско Маргалла, классического автора теории передового и социально настроенного федерализма, — человека близко стоящего к Прудону по силе его федералистского чувства. Кроме того, в Испании силен традиционный и живой федеральный дух, родившийся из насильственного объединения географически различных областей, старых исторических объединений, отделенных друг от друга различием народного языка. Федеральный дух питался здесь старыми народными обычаями и соглашениями между отдельными группами деревень, между населением островов, между ремесленниками и купцами южных городов и т.д. Все эти самостоятельно заключаемые договоры, руководящиеся местными интересами, основывались на обещании, что они останутся более или менее в силе при объединении областей, проводившемся королевской властью в целях создания единой монархии, управляемой из кастильских королевских столиц. Однако, эти обещания не были

исполнены, централизм стал всемогущим, упомянутые народности до сих пор еще стонут в цепях, сковавших их местную жизнь, и стремятся сбросить с себя централистское ярмо. Таким образом, федеральная республика стала идеалом наиболее передовых людей, в том числе всех испанских анархистов 60-80-х годов, пришедших из федерального лагеря под влиянием учений Прудона и Бакунина к ассоциационно-федералистской практике организованных рабочих, главным образом, каталонского промышленного и андалузского земледельческого района, а также под влиянием Международного Товарищества Рабочих, основанного в 1864 году.

Эти рабочие мудро понимали, что только социализм и анархизм могут дать им — и любой стране — подлинный федерализм. Ибо односторонний федерализм невозможен: его сущность есть взаимность, в основе своей сочетающаяся с терпимостью, взаимным уважением, а истинным выражением их является социализм, взаимная солидарность и анархизм, как практика свободы и взаимного уважения каждого человека к свободе другого человека.

Для того, чтобы быть осуществленным, прежде чем социалистические и анархические настроения овладеют значительной частью нации, федералистские учреждения, заслуживающие этого имени, требуют осуществления, по крайней мере, зачаточных условий, т.е. взаимного благожелательства, великодушия и ослабления привычной покорности в отношении централизации, а также веры в его превосходство. Против всего этого ведут борьбу централизованные государства, постоянно подчеркивая свою собственную важность непрерывной открытой и настойчивой пропагандой, воспитанием и печатью, преодолевая всякое сопротивление, сокрушая его, где можно, привлекая новые таланты в свой собственный лагерь, вызывая международные осложнения в расчете на создание для себя выгодного положения защитников и спасителей нации и т.д. Капиталисты обычно находят выгодным для себя поддерживать централизацию, ибо она, как им кажется, способна добыть для них самый широкий внутренний рынок, при наличии значительной государственной силы, — и иностранные рынки. Церковь гоняется одновременно за двумя зайцами: она стремится к власти над большой объединенной страной, но в то же время она поощряет и местные, ретроградные движения, проникнутые преданностью религии, с тем, чтобы при случае использовать эти движения, как ударную физическую силу против всех частей страны, где население более культурно и где церковь находит менее почвы для себя.

Таким образом, попытки осуществления федерализма встречаются с противодействием всей мощи государства и фальсифицированного общественного мнения. После восьмидесяти лет централизованных республик и монархий, когда якобинский централизм все еще был политическим идеалом республиканцев, когда учение Прудона оставалось в пренебрежении или забвении на протяжении многих лет после его смерти (1865-70), федерализм не имел уже шансов на популярность в новой французской республике, провозглашенной

в сентябре 1870 года. Бакунин и некоторые другие проповедовали его на Юге, выдвигая различные виды его, начиная от анархического, отрицающего государство, федерализма, идей которого Бакунин отстаивал в Лионе, до умеренного федерализма инициаторов лиги Юга, федерации южных французских городов. Федерация коммун Франции, которую Парижская Коммуна провозгласила 18 апреля 1871 г., выдвинула программу, за которую не последовали тысячи других французских муниципалитетов, за исключением большого числа южных городов, где коммунальное движение носило очень решительный характер. Однако здесь, как и в других местах Франции, движение окончилось неудачей.

Дистанция между столетним идеалом централизации, как ее понимали якобинцы, империалисты и буржуазия, идеалом всемогущего и неделимого Французского государства, — до федерации французских коммун, не могла быть преодолена общественным мнением. Коммуна рассматривалась, как разрушительница единства страны и государства. Армии дана была полная свобода утопить ее в крови десятков тысяч жертв. Идея федерации, достаточно таким образом оцененная уже, не возродилась к жизни в качестве социального и политического фактора во Франции. Она живет теперь, в культурном смысле, в форме самостоятельности округов. Идея такой самостоятельности подкрепляется старыми историческими провинциальными делениями, отмеченными революционным централизмом французской республики, а также местной культурной жизнью, поэзией, искусством, обычаями, местными диалектами, или независимым южным, провансальским языком, — родным братом каталонского языка. Административная децентрализация предлагалась тысячу раз на подобных началах, но парижский централизм неумолим. Социалисты здесь, как и везде, являются врагами федерализма, ибо они рассчитывают захватить государственную власть целиком и держать ее в своих руках, поэтому они желают, чтобы она была возможно шире, и считают себя законными наследниками ее.

Испанские республиканцы-федералисты одни только пытались в 1873 году осуществить федерализм прямым действием и в самой решительной форме, провозгласив автономию (за которой должна была последовать добровольная федерация) многих южно-западных городов и окружающих территорий (деревень и проч.) — кантонов, как их называли, т.е. маленьких единиц, обладавших необходимыми ресурсами для самостоятельной гражданской жизни в городе и деревне. Они были сурово подавлены военным централизмом и исчезли после жестокой борьбы. Но идея продолжала жить, и испанская революция 14 апреля 1931 года была совершена во имя федеральной республики, имя которой было на устах и в сердцах многих, но далеко не всех.

Каталонские, арагонские, валенсианские, андалузские, галицианские, баскские и другие территориальные единицы были готовы для федерации, Мадрид же и другие части страны сопротивлялись ему, сначала негласно, а затем

все более надменно и свирепо. Федерализм, как я уже сказал, может быть осуществлен только в духе благожелательности и искренности, так как он требует от всех доброй воли, доверия и честности. В противном случае он вызывает горечь и мстительность и превращается в беспощадное государственное принуждение по методу централизма, ведет к полному разрыву, к сепаратизму, а сепаратизм означает национальное государство, новый централизованный и милитаризованный бюрократический, авторитарный организм, при том весьма авторитарное государство, честолюбивое, мстительное и ищущее силы в союзе с другими государствами, ибо никакое государство в настоящее время не может стоять одно, в стороне от других. Мир «недостаточно безопасен» даже для целых государств.

В Испании борьба все еще не решена. Надежды на законченный федерализм сокрушены, а то, что предложено нейтралистами, представляет собой такой жалкий минимум, что остается вопросом, принесет ли такой минимум пользу, тем более, что Мадрид, буржуазия и авторитарные социалисты все еще стараются свести даже этот минимум к еще меньшему, почти к нулю. Федералисты колеблются, ибо простой сепаратизм никого не удовлетворит.

Это — показательный пример минимальных шансов федерализма в авторитарной среде. Другим таким примером была Советская Россия, допустившая некоторую областную культурную самостоятельность, но держащая политическую, административную и экономическую власть в руках центра совершенно так же, как это делал и царизм. Поддержка Кропоткиным Лиги Федералистов в Москве зимою 1917-18 г.г. не дала результатов, тем более, что вскоре он был выслан из Москвы и изолирован в Дмитрове до дня его смерти. Вопрос о федерализме был вновь поднят значительно позднее им и анархистами вообще. Все они находились под очарованием Парижской Коммуны, крестьянских бунтов, генеральной стачки, и все они слишком верили в то, что социальная революция снесла бы вместе с социальной и политической властью буржуазии, также и привычную авторитарную и покорную по отношению к властям настроенность всего народа. Бакунин видел положение ясно, когда настаивал, что коммуна слишком мала по сравнению с государством и что федерация коммун губернии или другие какие-либо крупные и реальные единицы находятся между коммунами и государством, хотя бы и революционным. Такие крупные единицы (провинциальные федерации) позднейшими анархистами рассматривались, как бесполезные организации, источники новой власти. Таким образом, когда пришла революция, то распыленные федералистские элементы, как отдельные лица, так и целые группы, оказались неподготовленными перед лицом нового государственного аппарата, оказавшегося в руках весьма авторитарных лиц, на которых очень мало можно было рассчитывать в смысле местного планирования, подготовки и крепких баз для операций.

Все это показывает, что первая необходимость с точки зрения анархических задач состоит в том, чтобы отвести антиавторитарной идее надлежащее место

в интеллектуальных и моральных концепциях очень многих людей. Вопрос же о том, каковы первоначальные экономические взгляды этих людей, не мог бы иметь при этом большого значения; все дело в том, чтобы они научились уважать мнения других людей, не вмешиваться в действия их, если они бескорыстно прогрессивны, а также в том, чтобы они не позволяли их партиям, правительствам и странам вмешиваться. Признание истинного федерализма является одним из способов обеспечить движение прогресса, ибо федерализм делает возможной дифференциацию, облегчает осуществление наиболее практических местных задач и путем такого беспрепятственного местного прогресса содействует всеобщему прогрессу. Это очевидно на примере университетов, лабораторий и т.д., где никто не вмешивается в социальные исследования, и открытия делаются здесь и распространяются потом на весь ученый мир, ибо это безусловно неизбежно, если открытия оказываются ценными. Если бы Россия после 1917 г., а Испания после 1931 г. были в состоянии действовать независимо в области социального прогресса автономных областей, автономных городов и меньших единиц, то результаты уподобились бы блестящему прогрессу в мире науки и изучения. А между тем, при нынешнем положении вещей централизм таких возможностей не создал: все должно совершаться по указке правительственных комиссий, совещательных учреждений, бюрократических самодержцев и т.д., что означает, что почти всякая ошибка ведет к разорительным потерям и что каждый шаг вперед приходится покупать страданиями жертв.

Федерализм, таким образом, содействует жизни, централизм же ведет к застою и к минимальным результатам. Однако, и федерализм также не должен быть пустой фразой, а должен быть наполнен доброй волей, терпимостью и великодушием: он должен уметь давать, тогда он сможет также и получать сторицей. Простой обмен равных ценностей оставляет людей и целые федерации людей чужими друг к другу и отнимает душу живую от всего, что они делают.

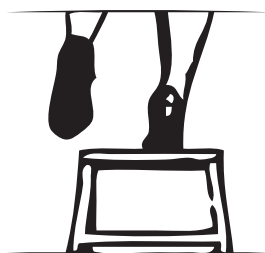
Очевидно также, как я уже заметил выше, что в вопросах живой жизни нет точно обозначенных неподвижных границ и линий. Вопрос о том, должны ли к той или другой практической проблеме применяется федералистские или же нейтралистские методы, должен разрешаться каждый раз наново, и бескорыстное, свободное от предрассудков общество именно так и будет поступать. Пропорция — ключ к индивидуальным решениям. Работа одного, сотрудничество 2000, 2200, 2 миллионов может быть технически необходимо для той или иной работы, и в этом случае так и будет сделано разумными людьми. Мир будет свободен, когда такие слова, как федерализм и централизм, будут забыты, когда меньшие и большие задачи будут требовать только правильного расчета необходимых условий и выбора надлежащих инструментов. Федерализм, конечно, заслуживает и теперь всяческой поддержки, ибо все силы застоя и реакции, включая руководящих государственных социалистов,

ставят ставку на централизм и пытаются удушить и вырвать с корнем всякую другую индивидуальную и коллективную инициативу. Федерализм помогает сломать тот лед, который власть накладывает на жарко бьющиеся сердца человечества. Это не анархизм и не суррогат его, а шаг в правильном направлении, заслуживающий всяческой поддержки. Централизм же мы видим за работой повсюду вокруг нас в этом жестоком современном мире — и отвращаем свое лицо от него.

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

25 июля 2014



Макс Неттлау
Федерализм и централизм

Сохранено 19 июля 2014 года из <http://spb-anarchists.anho.org/nettlau02-07.htm>